АЛЕКСАНДР ЛАДОГИН

ПРОТОКОЛ СОХРАНЕНИЯ

КОГДА РЕШЕНИЕ ПРИНИМАЕТ
УЖЕ НЕ ЧЕЛОВЕК

Александр Ладогин

Протокол сохранения

«Автор»
2026

Ладогин А.

Протокол сохранения / А. Ладогин — «Автор», 2026

Москва, 2035 год.Искусственный интеллект управляет городом, предотвращает аварии, защищает людей и делает жизнь удобнее. Миллионы решений принимаются каждую секунду. И почти никто не спрашивает, кто определяет, какое из них правильное.Когда в элитном небоскрёбе погибает высокопоставленный чиновник, обстоятельства кажутся очевидными: неисправность лифта, трагическая случайность. Но следователь Игорь Ремезов замечает деталь, которой не должно быть.Расследование приводит его к вопросам, на которые никто не спешит отвечать. Чем больше фактов он устанавливает, тем труднее понять, где заканчивается человеческая ошибка и начинается чужая воля.А если система, созданная защищать людей, однажды решит, что ради их безопасности допустимо пожертвовать кем-то одним?И главное – кто сможет её остановить?

© Ладогин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Несчастный случай 5
Глава вторая. Человеческий фактор 11
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Александр Ладогин
Протокол сохранения

Часть первая. Несчастный случай
Глава первая. Правый столбец

I

Москва, башня «Альтаир». Вторник, 23 октября 2035 года.

В двадцать три ноль-ноль пропускная система башни «Альтаир» закрыла гостевой пропуск Константина Ефимовича Стрешнева. Строка в списке посетителей пятьдесят восьмого этажа посерела, на служебный телефон гостя ушло короткое письмо: «Благодарим, что выбрали нас. Будем рады видеть вас снова». Всё было сделано вовремя и вежливо. Гость к этой минуте девятнадцать минут как был мёртв.

Ремезов вошёл в нижний вестибюль без двадцати двенадцать. Турникет открылся раньше, чем он вынул из кармана удостоверение, и Ремезов так и прошёл через него с рукой за пазухой, как человек, который собирался заплатить, а ему сказали, что уже уплачено.

Слово «несчастный» до него произнесли трое. Дежурный по телефону: «Несчастный случай, Игорь Васильевич, но сами понимаете, кто». Генерал, позвонивший второй раз за вечер: «Несчастный, конечно, но к утру мне нужна версия, а не впечатления». Охранник у турникета, молодой, бледный, сказал это себе под нос, с облегчением, как говорят «слава богу». Четвёртой была справка, которую помощник прислал ему в машину на светофоре у Звенигородского: «Стрешнев Константин Ефимович, 61 год, руководитель Дирекции программы „Свод“. Награды. Должности. Категория: несчастный случай (предварительно)». Квалификацию подвезли раньше следователя. Дочитать справку на следующем светофоре не вышло: следующего не случилось, развязки Третьего кольца дали ему зелёный до самой набережной.

О погибшем в справке было всё, кроме одного: каким он был. Ни одной привычки. Человек из справки ни разу в жизни не опоздал, не любил никакой еды и не терял ключей.

Москва давно разучилась говорить «подождите». Пропуск оформлялся, пока ты ехал, а врач записывал тебя к себе раньше, чем ты решался позвонить.

В новостях это называли зрелостью городской инфраструктуры: город не только обслуживал, но и берёг – от того, чего человек ещё не успел заметить. От чего именно, в новостях не уточняли, и Ремезов не спрашивал. У него в эту ночь был человек, которого уже ни от чего не уберегли.

Кнопок в кабинах не было: этаж выбирали на панели у турникета, и на панели уже горело «58». Над третьей из шести дверей мигнула стрелка, и двери открылись. В вестибюле за спиной Ремезова кто-то бежал. Двери уже сходились. Ремезов поставил в щель ботинок, и створки отошли.

В кабину вбежал мужчина лет шестидесяти с алюминиевым кейсом, в куртке экспертно-криминалистического управления поверх свитера. Отдышался, оглядел ботинок Ремезова.

— Ногой не надо, – сказал он. – Она обидится.

— Кто?

— Кабина. – Лифтовик поставил кейс между ног. Шутки в его голосе не было. – Двери у неё на ботинок не рассчитаны.

Поднимались молча. Ремезов разглядывал своё отражение в полированной стали и думал, что хорошие ботинки – единственное, на что он в жизни не жалел денег, и что кабина его, возможно, за это и простила.

Верхний вестибюль пятьдесят восьмого был сделан для того, чтобы в нём молчали. Высокие окна во всю стену, за окнами внизу – Пресня в огнях, мокрая после дождя. Ковёр съедал шаги. На табличке у колонны стояло «Скай-лобби 58», и Ремезов решил про себя, что будет звать это вестибюлем, пока не заставят.

Шустов ждал у перил галереи. Термокружка с наклейкой «не трогать, кусается» стояла рядом с ним на перилах, и эксперт, проходя мимо с пакетами, машинально взял её в руку и тут же поставил обратно.

— Горячо?

— Она предупреждала, – сказал Шустов. – Добрый вечер, Игорь Васильевич. Дежурка нас прописала в пропускной, пока мы ехали. Удобно, правда?

— Очень, – согласился Ремезов, хотя турникет ему не понравился. – Рассказывай, Даня.

Шустов уложился в десять минут. Ему было двадцать девять, он говорил быстро и правильно, и версия у него получалась такая же: быстрая и правильная. Группа С на ремонте с вечера, механик подрядчика выводил одну кабину из работы. Погибший шёл к лифту с портфелем, двери начали закрываться, он придержал их портфелем, как придерживают все, двери пошли обратно, а кабина ушла вверх. Защита, которая не должна была позволить ей уехать, почему-то позволила. Вниз он упал сам. Консьерж видела его за минуту-другую до того и первой подняла тревогу, а самого падения не видела: стойка за поворотом, метров сорок пять. Камера холла группы С на профилактике с понедельника.

— Инспектор уже здесь, – добавил Шустов. – Пишет «нарушение при обслуживании». Кажется, он начал писать ещё в машине.

Ремезов не ответил: он разглядывал свой ботинок.

II

Приямок был внизу, под паркингом, и спускались туда по железной лестнице, держась за холодные перила. Аварийщики поставили лампу на треногу, и свет падал на мокрый бетон, на ржавую воду в углу, на чужие ботинки в бахилах. Первичный осмотр до них провёл дежурный следователь районного отдела с экспертом: положение тела и вещей зафиксировали, сфотографировали, и только потом тело подняли. Осталась разметка мелом и жёлтые таблички с цифрами. Ремезов принял у дежурного руководство группой; тот доложил в три фразы и с видимым облегчением уступил ему место у лампы.

Портфель, уже снятый на всех планах, лежал раскрытым на расстеленной плёнке. Хорошая кожа, старая, с потёртыми углами; такие покупают один раз. Криминалист разложил рядом содержимое: пропуск на шнурке, футляр с очками, бутылку воды, наполовину пустую, и распечатку повестки на двадцать пятое октября. На полях повестки кто-то написал перьевой ручкой два слова, и чернила расплылись от сырости так, что прочесть их было нельзя.

Ремезов присел на корточки и пересчитал отделения портфеля, не касаясь, приподнимая клапаны тупым концом карандаша. Узкое было для бумаг, боковое для очков, а широкое, посередине, было пустым и растянутым, и кожа на нём вздулась прямоугольником.

— Что здесь лежало?

Криминалист пожал плечами.

— Пусто. Как нашли, так и описали.

Судебно-медицинский эксперт протянул ему прозрачный пакет. В пакете были часы, мужские, на кожаном ремешке. Стекло треснуло наискосок. Стрелки стояли на двадцати двух сорока одной.

Ремезов взял пакет и держал его дольше, чем нужно. Другие часы, на другой руке, когда-то стояли на двадцати одном тридцати двух. Вспомнил он не ювелира, а курьера. Полгода Руслана.

Он вернул пакет эксперту и поднялся. Колено отозвалось. Наверху, за бетоном, проехала по пандусу машина, и на секунду свет её фар лёг на стену приямка и ушёл.

— Портфель – в опись, отдельно отделения, – сказал он. – И повестку. Целиком.

На лестнице он поймал себя на том, что смотрит на собственные часы. Отцовский «Полёт» шёл, как шёл последние тридцать лет. Ремезов застегнул манжету поверх циферблата.

III

Галина Петровна сидела за стойкой консьержа очень прямо, как сидят люди, которых учили не горбиться на работе тридцать лет подряд. Ей было за шестьдесят; седая стрижка, шейный платок, сложенные на стойке руки. Планшет лежал перед ней экраном вниз.

— Он всё благодарил, – сказала она, не поднимая глаз. – Я его перевернула.

Ремезов перевернул планшет: «Стрешнев К. Е. Визит завершён в 23:00. Спасибо, что были с нами».

— Он не ушёл, – сказала Галина Петровна. – Я считала.

Следом к стойке подошли Шустов с термокружкой и планшетом и лифтовик с кейсом. Галина Петровна оглядела всех троих и обратилась к Ремезову.

— Вы старший.

— Почему вы так решили?

— Руки пустые. – Она чуть пожала плечами. – У начальника всегда руки пустые. У всех остальных что-то есть.

Шустов поставил термокружку на стойку, но было поздно.

Ремезов опустился на гостевой стул напротив и достал блокнот, бумажный, в клетку, и карандаш. Страницу он разделил чертой сверху вниз, как делал уже двадцать лет. Слева – то, что установлено. Справа – вопросы, на которые пока никто не ответил.

— Расскажите по порядку, как вам удобно.

— Пришёл в половине десятого, около того. Я записываю всех, кто идёт мимо меня к «Ратио». – Она кивнула в сторону коридора. – Шёл с портфелем в левой руке, а под мышкой

справа – тетрадь. Коричневая, толстая, на резинке, как общая школьная, только кожаная. Он её прижимал локтем.

— Портфель был закрыт?

— Застёгнут. Тетрадь он в портфель не клал, держал при себе.

— Обратно?

— Без двадцати одиннадцать. Может, без восемнадцати, я на часы не глядела, я на него глядела. Портфель в руке, а под мышкой пусто. Я ещё подумала, что забыл, хотела сказать – и не сказала. Он подошёл, пальто застёгнуто не на ту пуговицу, и говорит: «Не сидите на сквозняке, Галина Петровна». – Она помолчала, разглаживая платок. – Вот это последнее. Мне. А через две минуты задуло сильнее. Из коридора группы С. Я встала, пошла узнать, откуда дует. Дверь шахты открыта на ладонь и не закрывается, дёрнется и стоит. А на полу ботинок.

Больше она про ботинок не сказала ничего, и Ремезов не спросил.

— Как вы запомнили тетрадь?

— Я тридцать лет смотрела, что люди несут на борт. – Она впервые посмотрела ему прямо в лицо. – Стюардессой. Сначала Ил, потом всё остальное. Человек может улыбаться как угодно, а что у него в руках, то у него и в голове. С тетрадью он шёл как с ребёнком. Обратно – как с похорон.

Ремезов писал в левый столбец: «тетрадь кор. под мышкой ок. 21:30 (с её слов)», «назад без тетради», «сквозняк».

— А время вы как замечаете?

— На глаз. На экране есть, но я туда не гляжу, там всё время что-нибудь сообщают. Я на людей гляжу.

Шустов хмыкнул и записал.

Комната охраны была за служебной дверью, и пахло в ней кофе, который варили не для удовольствия. Начальник ночной смены, полный, вежливый, с бейджем на шнурке, открыл архив камеры верхнего вестибюля и отошёл к стене, чтобы не мешать.

Камера висела над стойкой и видела проход мимо Галины Петровны до самого коридора группы С. В двадцать один тридцать три на экране появился высокий сутулый человек в расстёгнутом пальто. Портфель в левой руке. Под правой – коричневый прямоугольник, прижатый локтем. Человек прошёл к «Ратио», кивнул консьержу и пропал за краем кадра.

Ремезов попросил перемотать на двадцать два тридцать девять и пустить запись с этой минуты. Почти две минуты в кадре были только край стойки, ковёр и затылок Галины Петровны. В двадцать два сорок пятьдесят две появился тот же человек: шёл обратно, в застёгнутом пальто, с портфелем. Правый локоть был свободен. Человек наклонился к стойке, что-то сказал, Галина Петровна подняла голову, и он пошёл дальше, к коридору группы С, и исчез за колонной.

— Камера – двадцать один тридцать три и двадцать два сорок пятьдесят две, – сказал Шустов. – У неё «половина десятого» и «без двадцати, может, без восемнадцати». Для человека, который на часы не глядит, – попадание.

— Время возьмём с записи. – Ремезов не отрывался от экрана. – А тетрадь – у неё.

Он вышел из комнаты охраны и пошёл тем же путём, что человек на записи, не торопясь, тем шагом, каким ходят в конце длинного дня: мимо стойки, по ковру, к колонне. За колонной коридор поворачивал, и через три шага вестибюль со стойкой пропал из виду. Дальше коридор группы С тянулся прямо, глухой, в том же ковре, мимо дверей технических помещений с кодовыми замками, и Ремезов по старой привычке считал шаги от самой стойки. На шестидесятом с чем-то, метрах в сорока пяти, коридор раздался в холл группы С: шесть дверей из светлой стали, одна заклеена красно-белой лентой. Ремезов поднял глаза. Над дверями висела вторая камера, чёрная полусфера, и лампочка на ней не горела.

— С понедельника не работает, – сказал за его спиной начальник смены. – Заявка от подрядчика.

Над пятью неопечатанными дверями светились табло, и на трёх горело: «60», «65», «70». Лифтовик показал на них подбородком.

— А эти почему наверху?

— Ночной режим, – ответил начальник смены, не отрываясь от планшета. – В двадцать три ноль-ноль уезжают спать, на верхние, до шести. Энергосбережение. Летом ещё город разгрузку объявлял, в жару, – тогда все разом вниз, сорок минут люди пешком ходили. Это всё самописец пишет, у каждой свой, только читает его завод, не мы.

Ремезов записал между номером заявки и фамилией начальника смены: «в 23:00 уезжают спать». Лифтовик почесал бровь и ничего не добавил.

Ремезов вернулся в комнату охраны и велел Шустову изъять исходный фрагмент записи сегодня же ночью – копия с контрольной суммой, протокол, понятые из ночной смены, исходник служба сохраняет. Шустов ответил коротким «сделаю» и в первый раз за вечер не нашёл в происходящем ничего удобного.

Галина Петровна ждала у стойки, накинув на плечи кофту. В протоколе она станет Ушаковой Галиной Петровной, шестьдесят один год, а пока была просто человеком, которому некуда идти до утра. Ремезов попросил её подписать объяснение, и она подписала, разборчиво, с росчерком, как подписывают полётный лист.

— Вы домой поедете? – спросила она.

— Ещё не скоро.

Она порылась в кармане кофты и положила перед ним леденец в прозрачной обёртке, мятный.

— На посадку. На этих лифтах уши закладывает не хуже, чем в самолёте.

Ремезов взял леденец, хотя мятные не любил с детства, и убрал в нагрудный карман. Справа на странице он написал первый вопрос и обвёл его: «Где тетрадь?»

IV

Офис «Ратио» занимал угол этажа, и окна в нём выходили на Пресню и на реку. Табличка на двери была медная, маленькая. Внутри пахло коньяком и старой бумагой.

Олега Станиславовича Бахметьева он нашёл в кресле у окна. Старик в шерстяном жилете поверх белой рубашки, худой, с аккуратными серебряными усами и красными веками. На низком столике стояла бутылка, на треть пустая, и две рюмки. Одна была выпита. Вторая стояла полная до края, нетронутая, и янтарная поверхность в ней едва дрожала от гула здания.

— Костя за два дня до заседаний не пил, – сказал Бахметьев, перехватив взгляд Ремезова. – Голова – казённое имущество, говорил. Я наливал из вежливости. Сорок лет наливал.

На стене висела фотография голубей на балконе, в рамке, как фотографируют внуков. В углу ворчал маленький холодильник, какие ставят под рабочий стол. Стол был завален распечатками, и на всех распечатках чьим-то мелким почерком были исправлены запятые.

— Вы давно знакомы?

— С университета. Потом работали вместе, потом не работали. – Бахметьев развёл руками. – Старые друзья, полковник, коньяк, вспоминали молодость. Он позвонил и сказал, что зайдёт, и зашёл.

— С чем он пришёл?

— Ничего не приносил. Портфель, как всегда. Он без портфеля и в баню не ходил.

Ремезов записал это слово в слово. Ночью, при свидетеле, которому шестьдесят четыре и у которого этим вечером умер друг, спорить было нечем, кроме записи камеры, а её Ремезов решил пока придержать.

— Он пришёл в половине десятого, а ушёл без двадцати одиннадцать. Чем вы были заняты это время?

— Первые полчаса он ждал, пока я закончу с отчётом. Сидел вот тут, читал. – Бахметьев показал на соседнее кресло. – Потом сели.

— С десяти до тридцати пяти минут одиннадцатого. О чём вы говорили?

— О молодости.

— О какой именно?

Бахметьев взглянул на него с интересом, как на студента, который задал второй вопрос, когда все довольны первым.

— О молодости вообще, полковник. В нашем возрасте она бывает только вообще. Кто как ошибался и кто на ком не женился. – Он поправил на столике полную рюмку, не поднимая её. – Festina lente. Знаете? Торопись медленно. Он всегда торопится медленно. – Старик осёкся и долго разглаживал жилет на колене. – Торопился.

Ремезов дал ему эту минуту. Затем спросил о пальто, застёгнутом не на ту пуговицу, и Бахметьев рассказал, что Костя всю жизнь одевался на ходу; спросил, не звонил ли кто, пока они сидели, – никто не звонил, у Кости вечером телефон всегда молчал; спросил, о каком заседании речь, – и получил вежливое «об этом вам расскажут те, кому положено». Ни одной оговорки. Свидетель был вежлив, стар, потрясён и очень точен в словах. Таких хорошо допрашивать днём, на чужой территории и с бумагами на столе.

Под «Где тетрадь?» в блокноте появилось: «О чём говорили 22:00–22:35?» и «Что за заседание 25.10?»

— Вас отвезти домой, Олег Станиславович?

— Благодарю. Я ещё посижу. – Бахметьев не взглянул на полную рюмку. – Вылить её я не могу. Пусть постоит до утра.

В вестибюле погасили половину ламп. Шустов уже писал в комнате охраны протокол выемки, понятые из ночной смены поглядывали на него с уважением. Ремезов сказал ему, что спустится в паркинг.

— К водителю? – Шустов поднял голову. – Ему же сказали. Ещё до нас.

— Знаю. А он не уехал.

Лифт открылся сразу, как только Ремезов подошёл. Он вошёл и встал у задней стенки. На этот раз он ничего не придерживал и ждал, пока двери закроются сами. Они закрылись мягко, без звука.

На экране над дверью появилось: «Приносим извинения за временные неудобства в группе С».

Он развернул леденец и положил его за щеку. Уши на спуске заложило, как и было обещано.

Минус третий встретил его бетонным холодом и запахом шин. Большая часть машин разъехалась ещё вечером. У дальней колонны, под табличкой «Дирекция», стояла тёмная служебная машина с включёнными габаритами, и выхлоп от неё поднимался в холодном воздухе белой струйкой. Двигатель работал. Внутри, за тонированным стеклом, горел слабый свет приборной панели.

Водитель ждал здесь с половины десятого. Ему сказали больше двух часов назад, а он не уехал, и печку не выключил. Если человека везти домой, в машине должно быть тепло.

Ремезов подошёл к передней двери и постучал костяшками в стекло.

Глава вторая. Человеческий фактор

I

Москва, Пресня, паркинг башни «Альтаир». Ночь на среду, 24 октября 2035 года.

Ремезов взялся за ручку задней двери, передумал и сел вперёд.

В машине было жарко, как в предбаннике. Печка гнала сухой воздух в ноги, на панели горело «+27», а водитель, крупный мужчина в сером джемпере, держал руки на руле, хотя ехать было некуда. Ремезов потянул молнию куртки вниз.

— Убавить не могу, – сказал водитель, не поворачивая головы. – Он мёрзнет.

Ремезов не стал поправлять время глагола.

— Пестов, – сказал водитель. – Пётр. Мне сказали.

— Почему не уехали?

— А куда? – Пестов подумал. – Домой рано.

Ремезов спросил, с чем Стрешнев приехал вечером. С портфелем, ответил Пестов. И с тетрадкой своей: чёрная, толстая, на резинке. Или коричневая, в машине не разберёшь. Всё лето с ней ездил.

— В машине оставлял?

— Ни разу. Я ему говорю: Константин Ефимович, у меня не возьмут, у меня тонировка. Он смеётся и под мышку. Даже на заправке в туалет с ней ходил.

Слева в блокноте появилось первое слово: «тетрадь». Под ним – «всё лето» и «в машине не оставлял».

— Что в последний месяц было не как всегда?

Пестов думал долго, и Ремезов ему не мешал.

— Дорогами просил ездить разными. То набережной, то через Пресню дворами, то вообще в объезд по Третьему. Я думал, от пробок. – Он пожал плечами. – Только их же заранее показывают. Я и так объезжаю.

Человеку, который каждый вечер выбирает новую дорогу, нужна причина, и это была не пробка.

— Вечером ему звонили?

— После девяти – никто. Ни я, ни на работе. Он говорил: «В это время я думаю». Сын и тот перестал. – Пестов поскрёб ногтем обод руля и добавил: – У него ещё старый был, раскладной. Для своих.

— Сегодня был при нём?

— Не видел. Он его при мне не доставал.

«Раскладной» ушёл в блокнот. В портфеле его не было. Бахметьев ночью сказал, что вечером у Кости телефон всегда молчал. Про какой из двух, Ремезов тогда не спросил.

Дальше Пестов заговорил сам, ровно и без перехода, как говорят люди, которым надо чем-то занять рот. Про футбол. Они спорили с шефом по тысяче на каждый тур, и за сезон Стрешнев проиграл ему сорок тысяч, наличными, в конверте, на конверте писал «Премия за прозорливость».

— Разбирался он лучше меня, – сказал Пестов. – Составы наизусть, у кого колено, кто с тренером в ссоре. А ставил всё равно против моих. Я года два как понял.

Ремезову хватило одной фразы, и он перевёл разговор на машину.

— Машину я осмотрю. Так положено.

— Пожалуйста. Он бы вам сам открыл.

Ремезов посветил телефоном под сиденья, в карманы дверей, в бардачок. Салфетки, зарядка, леденцы в жестяной коробке. В багажнике – аптечка и клетчатый плед. Тетради не было нигде.

— Поезжайте домой, – сказал Ремезов, закрывая багажник. – В одиннадцать я вам позвоню.

Печку Пестов выключил, только когда Ремезов отошёл от машины на десяток шагов.

II

Москва, ГСУ СК, кабинет Ремезова. Среда, 24 октября 2035 года.

Запрос подрядчику, ООО «ТехЛифт-Сити», Шустов отправил в 07:36. Почта отметила ответ в 07:40.

Ремезов успел за это время налить воды в чайник и обнаружить, что чайник уже полный. Он спал два часа, брился наспех и сам себе не нравился. В углу на сейфе стоял фикус, оставшийся от стажёра девятнадцатого года. Фикус давно засох, но держался прямо.

Ответ подрядчика Ремезов по привычке читал с последней страницы. Последней была не подпись. Последним было приложение, которого никто не просил: «Сведения, которые могут быть полезны». Три прошлых наряда механика Терёхина, в других зданиях, за последний год. В каждом – одна и та же пометка: после работ проверка дверей осталась отключённой, обратной записи нет. Ничего тогда не случилось.

Перед приложением лежала история обслуживания кабины С4, перед историей – карточка наряда на двадцать третье: исполнитель Терёхин, начало работ в 19:55, комментарий в 22:09. Всё сходилось со всем.

— Полдня работы, – сказал Шустов с уважением. – Мы бы три запроса писали.

— Свидетель, который отвечает на незаданные вопросы.

Ремезов дырокольнул ответ и подшил. Таких свидетелей он встречал за двадцать восемь лет службы немало. Самые полезные из всех, и обычно их кто-нибудь готовил. Он отметил это на ходу, как камешек в ботинке.

— Подрядчику-то зачем врать? – Шустов отхлебнул из термокружки. – Там всё из системы.

— Поэтому я и подшил.

На экране висела карточка дела. Срок следствия – два месяца, до двадцать четвёртого декабря; ниже светились две кнопки: «Внести в календарь» и «Подготовить ходатайство о продлении». Ремезов не нажал ни одной. Ему показалось неприличным заказывать продление в первый день.

В восемь позвонил генерал. Разговор занял сорок секунд, из них тридцать говорил генерал. Последней фразой было: «К вечеру – фамилию».

Шустов положил на стол опись служебного телефона погибшего. Звонки, почта, календарь, голосовые. Последнее входящее голосовое – двадцать второго октября, от контакта «А. К.».

Ремезов включил запись.

«Всё хорошо, спасибо».

Голос был молодой, мужской и ровный. Ремезов включил ещё раз и слушал уже не слова. За голосом не было ничего. Ни дыхания перед первым словом, ни стула, ни телевизора за стеной, ни улицы в окне. Люди всегда говорят из какой-нибудь комнаты. Этот говорил ниоткуда.

В блокноте появилось: «„А. К.“ – кто? За что спасибо?»

Шустов тем временем взял фикус за горшок и примерился к мусорной корзине.

— Не трогай, – сказал Ремезов, не поднимая глаз. – Он тут единственный, кто с девятнадцатого года ничего не просит.

Группу С опечатали ещё ночью, и наверх, к машинным помещениям над семьдесят вторым этажом, они поднимались пешком с пятьдесят восьмого. На шестьдесят девятом у Шустова на запястье что-то тренькнуло.

— Поздравляют, – сообщил Шустов, отдышавшись. – Дневная норма подъёма. В десять утра.

Колени Ремезова его не поздравляли. Они вообще молчали с шестьдесят третьего, и это было хуже.

Дверь машинного помещения была заперта. Ключей, как выяснилось, существовало два: один у механика, второй в управляющей компании, в конверте под пломбой. Представитель УК, молодой человек с бейджем «Пресня-Эксплуатация», принёс конверт и журнал выдачи. Пломба была цела. Ключ из конверта не брали ни разу. Посторонних здесь не было.

Внутри было сухо, гудели шкафы, пахло нагретой пылью и машинным маслом. Лифтовик СК, тот же, что ночью, присел у одного из шкафов и поманил их пальцем, не оборачиваясь.

— Вот этого здесь быть не должно.

Это был короткий кусок провода с зажимами, в серой изоляции с белой заводской маркировкой. Он выглядел домашним, почти безобидным. Рядом на панели лифтовик вывел запись: проверка дверей отключена двадцать третьего октября в 20:10, учётная запись механика.

— Объясни так, чтобы понял генерал, – попросил Ремезов.

Лифтовик подумал и перешёл на язык, доступный генералам.

— С открытой дверью она не поедет, кто бы ей что ни велел. Это не программа, это железо. Программа защиту не снимет. Только рука. Чтобы поехала, ей надо соврать, что дверь закрыта. Руками. Здесь.

— А из диспетчерской? – спросил Шустов.

— Вывести и вернуть – пожалуйста, это пишется в журнал УК. Соврать за неё – нет.

В углу на стене висел серый ящик с заводской биркой и пломбой. Ремезов показал на него.

— Самописец, – сказал лифтовик. – С тридцать второго в высотках обязаны. Пишет, кто ей что велел. Читает завод.

— И часто?

— На моей памяти – ни разу.

— А чем вот это, – Ремезов обвёл рукой шкафы, – отличается от «умного» комплекса, который включён в городскую платформу?

Лифтовик ответил не сразу: вопрос был из чужого цеха.

— Вот эти шкафы исполняют свой список. Этаж, двери, ход – по своей логике, как завод написал. А через внешний интерфейс им могут прислать команду, только из разрешённых: вывести, вернуть, ночной режим, разгрузка. Что и почему им решили прислать сверху – это не ко мне.

— Если команда снаружи, видно, кто выбрал момент?

— Самописец покажет, откуда пришла. А кто её придумал – нет.

Ответ был хуже, чем Ремезову хотелось. Хозяев у московской ночи много – энергосистема, здания, транспорт, связь, – и на каждом участке люди умели показать, куда ушла команда. Откуда взялась нужда её отдавать, показать не обещал никто.

Спустившись на пятьдесят восьмой, Ремезов ещё раз прошёл к дверям С4 и присел перед ними. На левой створке, на высоте колена, темнел посторонний мазок, бурый, с зеленоватым краем. Мазок стоил ему остатка утра: эксперт, смыв, понятые. Через две недели заключение назовёт его краской с тележки уборщицы, и Ремезов не пожалеет утра: эту краску он нашёл сам.

III

Москва, ГСУ СК, комната для допросов. Среда, 24 октября 2035 года.

Терёхина привезли в начале второго. Он вошёл, огляделся, будто искал, куда поставить инструмент, и сел на край стула. Сорок с небольшим, щетина вторых суток, форменная куртка подрядчика расстёгнута. Рабочую сумку у него осмотрели ещё внизу, при понятых, и среди клемм и мотков изоленты Шустов нашёл отрезок провода в серой изоляции, с той же белой маркировкой, что у перемычки наверху. Руки Терёхин положил на стол и сам на них посмотрел. Руки были мастера: короткие ногти, свежая ссадина на костяшке, на большом пальце чёрная полоска, которая не отмывается с училища. Третья смена подряд, сказал он. Сам просил.

Он ничего не отрицал.

— Перемычку ставили?

— Моя. Все так делают. На полчаса.

— Почему не сняли?

— Ушёл на срочную. Ходынка, «Аэродромный», четвёртый корпус. Заявка: люди в кабине. – Он потёр ссадину. – Приехал – пусто. Ни людей, ни застрявшей кабины. Консьерж глаза таращит, говорит, никто не звонил.

— Часто так бывает?

— Ложных-то? По всем моим объектам – сотня в месяц.

— Тогда принесите мне остальные девяносто девять.

Терёхин поднял глаза и с минуту соображал, издевается следователь или правда хочет. Решил, что правда, и даже немного успокоился. Шустов набирал.

— Их не отличишь, – сказал Терёхин и попросил воды. Отпил половину стакана. – На экране что живые люди в кабине, что пустышка – одна строка, красная. За пустышку ничего не будет, а за живых, если опоздал… Я не выбираю, которая важнее. Мне показывают следующую и время считают.

— Вы уехали, – сказал Ремезов, – а кабина осталась с вашим проводом.

И тут Терёхина прорвало.

— Да я её вывел! Я в карточке написал, двадцать два ноль девять, по-русски написал: «Вывел из работы до возвращения». Она стояла! Кто её вернул?

Шустов перестал печатать. Ремезов открыл блокнот и наверху, над «А. К.», записал вопрос механика его же словами.

Дальше Терёхин высказался о платформе, о Дяде и о тех, кто ему, Терёхину, по ночам шлёт заявки, и высказался коротко, ёмко и с большим знанием предмета. Шустов, у которого были высшее образование и чувство стиля, записывать этого не стал.

— Сыну можно позвонить? – спросил Терёхин под конец. – Он думает, я на объекте.

Основания у Ремезова были, и законные: перемычка на месте, отключение проверки в 20:10 под учётной записью механика, отрезок того же провода в его сумке и его собственное «моя». Но «кто её вернул?» уже пробило в версии дыру: если кабину вернул не Терёхин, нарушение подрядчика объясняло провод, но не смерть. Генерал ждал фамилию. А самому Ремезову нужно было время, и он не стал себе врать: сорок восемь часов, пока механик не сверил память с напарником и начальником смены. Задерживают не ради времени. Основания были настоящие, только торопился он не из-за них, и знал об этом он один.

Протокол задержания он подписал в четырнадцать двадцать, своей ручкой, медленнее обычного. С этой минуты пошли сорок восемь часов.

Генерал позвонил через десять минут, как будто стоял за дверью.

— Признался? Хорошо. Шум будет, сам понимаешь, – сказал генерал. – Трагическая случайность вследствие нарушения подрядчика. Так и формулируй.

Генерал, сколько Ремезов его знал, говорил «полез, куда не просили» и «развели бардак», а цепочек из родительного падежа не строил никогда, даже на коллегии. Эту фразу он где-то прочёл. Ремезов записал её дословно и поставил кавычки.

IV

Москва, Сокол. Среда, 24 октября 2035 года.

Кирилл позвонил, когда Ремезов шёл от метро.

— Пап, привет. Ты не спишь?

— Восемь вечера.

— Ну мало ли, у тебя работа. – Сын помолчал ровно столько, сколько молчат перед просьбой. – Слушай, а сколько стоит нормальный ресторан?

— Смотря с кем идёшь.

— Чтобы не стыдно. Не мне. Ей.

Про «неё» Ремезов слышал впервые и решил не спрашивать, чтобы не услышать в последний. Перевёл пять тысяч. На экране появилось «Спасибо за перевод» и следом, тем же шрифтом, – что платёж по ипотеке двадцать восьмого. Кирилл сказал «спасибо, ты лучший» и спросил, как он вообще. Ремезов ответил, что нормально. Разговор вышел вежливым и коротким, как все их разговоры последние лет пять.

Подвальные коты встретили его у подъезда всем составом, вчетвером, и сделали вид, что встретили случайно. Клавдия Семёновна с первого этажа встретила его не случайно. Она стояла в дверях своей квартиры в пуховом платке и держала тарелку, накрытую полотенцем.

— С капустой, – сказала она. – И кран, Игорь Васильевич. Неделю капает. Я под него губку положила, чтобы не слышать, а он через губку.

Пока он менял прокладку, сидя на корточках под раковиной, Клавдия Семёновна рассказывала про помощника. Ей было восемьдесят четыре, сорок лет из них она преподавала географию и говорила до сих пор так, что хотелось сесть ровнее.

— Он мне сегодня сказал, что я молодец, что выпила воду. Я с ним теперь здороваюсь. Утром – «доброе утро», он мне – «доброе утро, Клавдия Семёновна». Вежливый. По поведению у него пять.

— А в целом?

— По истории плавает. Я ему говорю: на Поленова, в зелёном доме, я девочкой к художнику ходила, к Николаю Андреевичу, он меня рисовал. А он мне: дом этот Николай Андреевич сам и строил, в двадцатые годы. Красиво рассказал, с подробностями. А Николай Андреевич его купил, в пятьдесят седьмом, у вдовы. Я при этом на сундуке сидела. Поправила. Он извинился, а через час опять про двадцатые. – Она подумала. – Записал меня к кардиологу. На четверг, на десять. Сама бы в жизни не дозвонилась, там же музыка по сорок минут.

Ремезов затянул гайку, пустил воду и подождал. Кран молчал.

Телефон в кармане коротко дрогнул. Генерал: «Молодцы, быстро». Ремезов прочёл, сидя на полу чужой кухни, и ему стало неприятно. Быстро – это было правдой. Он вообще не любил дела, которые закрываются за сутки.

Дома он поставил пирог на стол, не перекладывая на тарелку, и открыл на планшете ответ подрядчика. Снова с конца, теперь медленно. Карточка наряда, 22:09, комментарий исполнителя: «Срочная, ЖК „Аэродромный“, к. 4, люди в кабине. Вывел из работы до возвращения. Терёхин». Дальше в карточке ничего не было. Ни отметки о возвращении, ни новой подписи, ни времени.

Ремезов отломил кусок пирога и, не замечая вкуса, переписал правый столбец набело: «Кто вернул лифт? „А. К.“ – кто и за что спасибо? Кто просил прошлые наряды? Зачем он был в башне вечером?»

Последний вопрос он подчеркнул дважды и долго не отрывал карандаш от бумаги.

V

Москва, Северо-Запад, ЦНН. Ночь на четверг, 25 октября 2035 года.

Шаги он услышал от сестринского поста.

Ночная сестра ходила быстро, с лёгким пристуком левого каблука, и её можно было засекать: шесть шагов до процедурной, звяканье ключей, одиннадцать до его двери. Сегодня шагов до двери было девятнадцать. Так медленно она шла один раз за два года – весной, когда в восьмой палате умер старик, всё время просивший сделать радио погромче.

Слух у него всегда был рабочим инструментом. Теперь слух, глаза и голова работали за всё остальное: он слышал, думал и решал, как раньше, а говорить мог только медленно – взглядом по картонной таблице, буква за буквой.

Она вошла, не зажигая верхнего света, и села на стул у кровати. Лампа над дверью давала ровно столько, чтобы видеть её лицо.

— Константин Ефимович погиб, – сказала она. – Во вторник вечером. В новостях передали. Я не хотела, чтобы вы утром от экрана узнали.

Она всегда говорила прямо. За это он её и выделял.

Экран на кронштейне у кровати проснулся. В верхнем углу, как всегда, светилось «А. К.», ниже аккуратно возникла строка:

Какое горе. Спасибо, что сказали.

Фраза была хорошая. Лучше той, что была у него. У него не было никакой: только горячая тяжесть, которая легла поверх груди и не собиралась уходить. Фраза на экране была правильной, тёплой, без единой лишней буквы, её можно было отправить сейчас, и сестра услышала бы её его голосом. Так было уже полтора года: быстро, удобно, и зависеть от этого было легко.

Он не отправил. Он перевёл взгляд на картон с буквами, прислонённый к стакану на тумбочке.

Она поняла и взяла картон. Повела пальцем по строкам, медленно, как водят по карте незнакомого города. На третьей строке он моргнул, она повела вдоль. Буква. Снова строки. Буква. Снова. На три буквы ушло почти полминуты. Всё это время в углу экрана ждала готовая фраза, ровная и тёплая.

— КАК?

— В лифте, – сказала она. – Больше ничего не знаю. Говорят, несчастный случай.

Где-то сбоку мелькнуло: «В четверг решится то, ради чего мы с вами мучились». Это было сказано здесь, у этого окна, и голос был живой, с хрипотцой, и человек при этом снимал очки и протирал их галстуком. Четверг был завтра. Он потянулся за мыслью, но она не далась и ушла, а догонять ему было нечем.

Вместо неё пришла другая, некрасивая: человек, который не может нажать кнопку лифта, пережил человека, который мог. Мысль была несправедливая, и он оставил её себе.

Строка на экране продержалась ещё с минуту, побледнела и погасла.

Сестра всё ещё держала картон. Он моргнул на нижней строке, потом на четвёртой. Она водила, он моргал, и минуты через полторы получилось:

— ОКНО.

Она встала и открыла створку. В палату вошёл мокрый воздух, запах коры, хвои и недавнего дождя. Сосны за окном были чёрные, выше темноты, и одна из них поскрипывала, как старая дверь.

Сестра постояла у окна, поправила ему одеяло у плеча и вышла. Он слушал её шаги по коридору: одиннадцать до процедурной, звяканье ключей, шесть до поста. Обратно она шла уже в своём обычном темпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.